

*Книжное обозрение*  
*Book Reviews*

DOI: 10.31857/S020596060013009-1

**ВАСИЛЬЕВА Е. В. НАУЧНЫЕ КАДРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ЭТАПЕ ВТОРИЧНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ: В 2 Ч. ВЛАДИВОСТОК: ДВФУ. Ч. 1: СТРУКТУРНО-КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ. 2017. 403 с. ISBN 978-5-7444-3989-7; Ч. 2: АКЦИОНИСТСКИЙ КОМПОНЕНТ. 2019. 435 с. ISBN 978-5-7444-4484-6**

*РОДНЫЙ Александр Нимиевич* – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E-mail: anrodny@gmail.com

В 2017 и 2019 гг. вышли в свет две части фундаментальной монографии доцента Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета Е. В. Васильевой, посвященные научным кадрам Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки в первой половине XX столетия. Эти работы явились продолжением начатого автором более десяти лет назад исследования, посвященного научной политике Советского государства на Дальнем Востоке в первые три десятилетия его существования<sup>1</sup>. Историки и социологи науки благодаря появлению этих системообразующих

публикаций получили качественный материал для дальнейшего изучения жизни и деятельности «периферийных» ученых.

Первое, что хочется отметить, – это масштабность исследования научных кадров: их временная динамика и институциональный кластер, охватывающий центр и периферию страны. Васильевой рассмотрен широкий круг вопросов, затрагивающих изменение количественных и качественных характеристик научных кадров Дальнего Востока в период с 1920 г. до середины 1950-х гг.: территориальное распределение, дисциплинарная и демографическая структура, научная квалификация, должностная иерархия, мотивационные факторы, мировоззренческие установки, политическая ориентация, управленческие и коммуникационные системы. При подготовке работы

---

<sup>1</sup> Васильева Е. В. Политика советского государства в области науки как фактор трансформации социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011.

автор опиралась на знакомство с обширной философско-методологической, историко-научной и социологической литературой. Не пытаясь передать все многообразие исследовательской повестки рецензируемых монографий, акцентируем внимание на малоизученных в историческом аспекте проблемах мотивации научных кадров и их профессиональной мобильности.

Первые российские исследователи Дальнего Востока, границы которого были не только пограничными, но и «безграничными» по отношению к сопредельным странам, представляли собой хотя и не однородный социум, но сообщество, цементируемое духом первопроходцев, офицерской честью и хорошим, в первую очередь петербургским естественно-научным, гуманитарным и техническим образованием своих членов. Революция и Гражданская война вынудили ученых из центральных областей России, Урала, Западной и Восточной Сибири мигрировать на Дальний Восток. Для многих это перемещение стало безвозвратным. Иногда миграция носила коллективный характер, как, например, прибытие в 1920–1921 гг. во Владивосток большей части профессорско-преподавательского состава Уральского горного института во главе с ректором (2017, с. 34–35) или зачисление в 1923 г. в штат Государственного Дальневосточного университета 7 профессоров, 13 преподавателей и 7 научных

сотрудников Забайкальского университета (Чита)<sup>2</sup>.

Большинство дальневосточных ученых были вынуждены покинуть места своего проживания и приехать на «край света», но для некоторых из них миграция стала возможностью расширить поле своих исследований. Примером такого ученого является флорист Е. Н. Клобукова-Алисова (1889–1962), прибывшая в 1917 г. в Никольск-Уссурийск, спасаясь от голода и разрухи в Санкт-Петербурге. Будучи студенткой, а затем сотрудницей В. Л. Комарова по Высшим женским (Бестужевским) курсам и Ботаническому саду в Санкт-Петербурге, она организовала и возглавила ботанический кабинет по изучению флоры Дальнего Востока при Южно-Уссурийском отделении Приамурского отдела Русского географического общества. В своих письмах учителю она писала, что, хотя она ранее не была знакома с флорой Приморья, но «благодаря представившимся обстоятельствам» постарается «хоть немного узнать и понять ее». Чтобы удержаться на месте, она «занялась преподаванием в местной учительской семинарии». При этом, понимая шаткость своего положения в послереволюционном крае, Клобукова-Алисова эмоционально сообщает: «Вот я и решила рискнуть и остаться здесь. Все равно, где погибать. Так лучше уж здесь, где так много нового

---

<sup>2</sup> *Малявина Л. С.* Организация и деятельность Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (1923–1931 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 158.

и интересного» (2017, с. 305). Через пять лет после прибытия она пишет: «Невзирая на всю разруху, кусочек людей, собравшихся в Уссурийском крае, решили, невзирая на все трудности и препятствия, продолжать дело изучения Уссурийского края, и вот [...] организуется “Первый съезд по изучению Уссурийского края”» (2017, с. 308).

В 1922 г. на Дальнем Востоке, по данным Васильевой, находились 155 человек, которых можно было отнести к научным работникам. Причем из них 136 были профессорами и преподавателями университета, политехнического и педагогического институтов Владивостока, 19 — представителями отраслевой науки, а именно Дальневосточного отделения Геологического комитета и опытных сельскохозяйственных станций (2017, с. 398). Кроме того, в свободное от основной работы время исследования проводились членами различных научных обществ, и в первую очередь Приамурского отдела Русского географического общества.

С 1922 по 1955 г. число научных работников увеличилось в 13,7 раз и составило 2123 человека. Рост численности ученых шел постоянно, за исключением периода с 1936 по 1941 г., когда из-за политических репрессий произошла убыль научных кадров. Причем даже во время войны и сразу после нее (с 1941 по 1947 г.) был кадровый рост; особенно быстрым он стал в 1947–1955 гг. До 1922 г. почти все научные кадры были сосредоточены на территории современного Приморского края

во Владивостоке и только семь человек работали в Амурском крае. В дальнейшем началась экспансия ученых на Камчатку и Сахалин, а также в районы современных Магаданской области и Хабаровского края (2017, с. 401).

Отличительной чертой дальневосточных научных кадров к 1922 г. было отсутствие в ее возрастной структуре специалистов моложе 30 лет и старше 55. Другими словами, это были люди самого деятельного возраста, но не имевшие за своей спиной кадрового резерва. Большинство из них представляли технические науки (30 чел.), далее шли филологи (17 чел.), юристы (12 чел.), историки (11 чел.), химики (9 чел.) и специалисты из других дисциплин. Еще до 20-х гг. XX столетия здесь наиболее востребованными являлись востоковеды, историки, географы, биологи и геологи. Некоторые из них получили известность не только у себя на родине, но и за рубежом. Так, среди геологов такими были Э. Э. Анерт (1865–1946), А. И. Криштофович (1885–1953), П. И. Полевой (1873–1938), П. П. Гудков (1881–1955) и М. К. Елиашевич (1889–1982). Образовательный уровень профессорско-преподавательского состава трех владивостокских вузов был достаточно высоким. Он состоял из выпускников университетов Петербурга, Москвы, Казани, Женевы, Парижа и лучших столичных инженерных институтов, таких как Горный институт и Институт инженеров путей сообщения (2017, с. 36–39).

Вторичная институционализация отечественной науки на периферии была связана не только с возникновением новых научных и научно-образовательных структур, но и с исчезновением старых. В первую очередь это касалось общественных организаций, например Дальневосточного общества по насаждению высшего образования, созданного в 1919 г., где председателем был профессор-японовед и первый ректор открытого в 1918 г. Владивостокского политехникума В. М. Мендрин. Когда в 1920 г. он скончался, в его некрологе были говорящие сами за себя слова, характеризовавшие деятельность ученого того времени и места: «Отдав все силы новому учебному заведению, покойный не сохранил достаточно сил для продолжения своей собственной жизни» (2019, с. 9). Почти сразу после его смерти общество перестало существовать, а политехникум был преобразован в Государственный политехнический институт.

В дальнейшем проблема убыли ученых в результате эмиграции, репрессий и миграции решалась в основном за счет принудительной мобилизации специалистов из центра и привлечения выпускников местных вузов. Картину принудительного привлечения специалистов дает пример обеспечения кадрами Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов (ВНИИ-1) в Магадане. Там в 1949 г. в штате числилось 88 научных работников, из которых 19 были заключенными, 9 — спецпоселенцами, 57 — бывшими заключенными и

лишь трое вольнонаемными. Несмотря на все добровольные и принудительные привлечения, нехватка научных кадров ощущалась постоянно. Даже в 1956 г., когда Дальний Восток заселялся весьма интенсивно, численность ученых была на 10 % меньше запланированной государственными органами (2017, с. 50).

Особенно острый дефицит ощущался в женщинах-ученых. В 1920 г. их было всего трое, но постепенно количество росло, преимущественно в отраслевой науке. Так, в 1931 г. в штате научных работников Тихоокеанского института рыбного хозяйства были 14 женщин из 51 сотрудника. Даже в середине 1950-х гг. численность женщин в науке Дальнего Востока не превышала 40 % (2017, с. 57).

Дефицит ученых был не только демографический, но и дисциплинарный. С 1935 по 1955 г. академическая, отраслевая и вузовская наука полностью была обеспечена только химиками и биологами, а математики и физики работали исключительно в вузах (2017, с. 63, 68). Такой дисциплинарный голод приводил к отсутствию профессиональной мобильности высококвалифицированных специалистов. Миграция ученых из центра на периферию или переход их из вузов в отраслевую и академическую науку был исключением из правил, так как они оказывались в изоляции, не имея возможностей профессионального общения. С другой стороны, специалисты, не имевшие высокой квалификации, становились аутсайдерами, не находя

возможностей повышения своего научного потенциала.

Автор, по моему мнению, удачно иллюстрирует тенденцию к ослаблению управленческих сигналов из центра по мере их поступления к месту назначения. Особенно это проявлялось в тех случаях, когда головные организации рассматривали дальневосточные структуры науки как вспомогательные полигоны для своих исследований. Тогда они наталкивались на противодействие со стороны местных кадров, не желавших быть простыми исполнителями, брать на себя дополнительную работу и отдавать конкурентам свою собственную научную тематику.

Следует обратить внимание на то, что изучение мотивации ученых является одной из наиболее сложных историко-научных проблем, которую исследует Васильева. Попытка ее решения через анализ мировоззренческих рефлексий дальневосточных ученых представляется довольно интересной. Автору удалось найти свой оригинальный подход, связанный с анализом мировоззренческих установок, выявленных на основе письменных показаний арестованных ученых в 1930-е гг. Вот как она сама объясняет использование этого материала: «Безусловно обстановка допроса и сам факт ареста обостряли чувства и мысли научных работников, придавая им лаконичность и завершенность. Она во многом помогала им выразить то, что, скажем, на собраниях, а тем более в личных беседах, оставалось на уровне эмоций, восклицаний,

неотрефлексированных высказываний» (2017, с. 251).

Несмотря на всю неоднозначность такого подхода, следует признать, что он позволяет фиксировать формализованное отношение ученых, обвиняемых по политическим и идеологическим статьям, к их собственной научной деятельности, которое при определенной корректировке может выявить некоторые мотивационные характеристики дальневосточных ученых 1920 – начала 1950-х гг.

После революции ученые Дальнего Востока несколько дольше, чем их коллеги из центральных районов, сохраняли независимость от государства при выборе исследовательской тематики, больше ориентируясь на свои познавательные цели или на заказы, чаще всего утилитарного характера, исходившие от конкретных чиновников на местах, которые тем самым становились их «покровителями». В первые годы советской власти ее представители еще не знали, как рационально использовать научных работников, в то время как сами ученые, чтобы выживать в новых условиях, искали покровительства чиновников. Некоторые из их проектов благосклонно принимались властями.

Одним из таких региональных проектов стала организация в 1923 г. Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (ДКНИИ), призванного изучать и способствовать рациональному использованию природных богатств края. Появление этого учреждения стало

возможным в результате местной инициативы ученых и чиновников, использовавших положение Наркомата просвещения от 1921 г, в соответствии с которым вузам было предоставлено право организации своих НИИ. Сотрудниками в них могли быть как вузовские, так и приглашенные со стороны ученые. Но судьба ДКНИИ складывалась достаточно сложно, так как в финансовом отношении его положение было неопределенным: институт не был принят на баланс ни центра, ни края, а сотрудникам приходилось выживать за счет хозяйственных организаций. Очередная реконструкция научных организаций Дальнего Востока по изменению их отраслевой структуры, затеянная центральной властью, привела к закрытию института в 1931 г.<sup>3</sup>

Аттестационные мероприятия, проводимые в рамках дальневосточных съездов научных работников начиная с 1927 г., показали, что по квалификационным стандартам, числу и объему статей все без исключения ученые не отвечали предъявляемым требованиям, а половина из них вообще не имела публикаций. Поэтому специалисты на местах предлагали ввести дополнительные показатели, имевшие мало отношения к исследовательской деятельности, как, например, учет объема преподавательской и научно-методической работы или времени, проведенного в командировках. По мнению Васильевой, ученые,

которые были больше мотивированы на познание и пользу обществу, а не на карьеру, в основном эмигрировали в 1920–1930-х гг., а оставшиеся почти все были репрессированы. Те же немногие, кто остался в науке и занимался фундаментальными проблемами, делали это в дополнение к своим плановым работам (2017, с. 313–314).

С середины 1930-х гг. «покровители» (патроны) уступили место управленцам от науки, целенаправленно проводившим государственную политику, ориентированную преимущественно на практическую пользу. Такая политика при формальном подходе административного аппарата научных учреждений приводила к оценке результатов исследований преимущественно в утилитарном плане, а это, в свою очередь, создавало питательную среду для кампаний против «чистой науки», «академизма» и «науки для науки», когда ученые, которые ориентировались преимущественно на поиск нового знания, подвергались остракизму (2017, с. 302). Вымывание таких ученых, хотя оно и было чрезвычайно негативным по своим последствиям, не воспринималось большинством их коллег как катастрофа и не вызывало сильного противодействия. Во многом это объясняется тем, что научно-педагогические кадры Дальнего Востока имели установку на учебно-организационную, а не на познавательную деятельность.

Статусная мотивация ученых значительно усилилась с середины 1930-х гг., когда государство

<sup>3</sup> Там же. С.158, 162.

ввело институт защиты диссертаций, отмененный сразу после революции. По признанию талантливого химика, преподавателя Дальневосточного университета М. Н. Тиличенко, у него «идея совершить открытие достаточно быстро сменилась желанием защитить диссертацию» (2017, с. 317). Специфика Дальнего Востока заключалась в том, что здесь ученые стартовали в «гонке» за научными степенями с некоторым запозданием, а сам процесс подготовки и защиты диссертаций был сложнее из-за ограниченного выбора научных руководителей и консультантов. Поэтому местные кадры больше, чем их коллеги из центра, старались «остепеняться» по совокупности работ, минуя процедуру защиты.

Мотивацию ученых ослабляли также материальные и организационные условия их существования. Во второй половине 1930-х гг. экономическое развитие страны замедлилось, что выразилось в сокращении местных бюджетов и привело к отмене дальневосточных надбавок к заработной плате научных работников; в конце 1930-х гг. ученым пришлось приложить немалые усилия для их возвращения (2017, с. 321). Многочисленные реорганизации и связанные с ними увольнения сотрудников из научных и научно-образовательных учреждений, также не способствовали плодотворной исследовательской работе. Вот как описывает ситуацию сотрудница Дальневосточного филиала АН СССР А. А. Емельянова накануне его закрытия в 1939 г. в письме президенту академии

В. Л. Комарову: «Над нами сгустились тучи. Первый удар — это сокращение штатов по всем секторам [...] Второй удар — это закрытие всего зоологического сектора полностью. В филиале царит полное смятение, непонимание того, что делается, совершенная неуверенность в завтрашнем дне. Руководство говорит полусловами, намеками, что-то скрывает, избегает разговаривать с сотрудниками» (2017, с. 323).

Однако в условиях нестабильности и неопределенности, сложившейся в науке Дальнего Востока накануне войны, имелись и некоторые преимущества для тех ученых, которые сумели найти свою собственную исследовательскую тематику. В тот короткий промежуток времени, когда местное руководство пребывало в состоянии неопределенности, улавливая сигналы из центра и не обращая должного внимания на подчиненных, некоторым удавалось работать по своей тематике (2017, с. 323). Здесь есть некоторая аналогия с девяностыми годами XX в. и нулевыми нынешнего столетия, когда отечественные ученые существовали в условиях «заброшенности» на голодном пайке, предоставленные сами себе, но при этом имели определенную творческую свободу. Начавшаяся война ситуацию коренным образом изменила, а послевоенная жизнь возвратила ученых в русло 1930-х гг. с их утилитаризмом и ориентацией на карьерный рост посредством степенных регалий, правда, уже без жестких идеологических репрессий в отношении научных кадров.

Дальневосточная специфика не-которой демократизации научной жизни послевоенного периода видна на примере реакции на августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 г., которая не имела тех репрессивных воздействий, которые испытали на себе представители медико-биологических и сельскохозяйственных наук в центральных областях страны. Эта специфика видна из интервью, которое в 1991 г. Васильева взяла у одного из участников дискуссий по поводу «мичуринской биологии», ученого-лесовода В. А. Розенберга. На вопрос, как затронули его и его коллег правительственные постановления после сессии ВАСХНИЛ, он ответил, что «они нас мало беспокоили. Какое мне было дело до этих постановлений на берегах Тихого океана. У меня была своя тематика, свои задачи. Кроме того, у меня в голове была всегда своя сверхзадача. Я думаю, что такая сверхзадача была у людей, которых я близко знаю, с которыми я сталкивался, с которыми съел не один сухарь». В своем интервью ученый говорил, с каким энтузиазмом он и его коллеги занимались исследованиями, а чтобы к их работам не цеплялись, «придelvesывали им мичуринские хвосты» (2017, с. 327–328).

В заключение следует сказать, что исследование Васильевой является весомым вкладом в разработку целого комплекса историко-научных проблем, связанных с жизнью и деятельностью научных и научно-педагогических кадров за тридцатилетний период существования советской власти на Дальнем Востоке. Автору

удалось высветить своеобразие процесса вторичной институционализации науки гигантского региона. В первую очередь это своеобразие касается развития научных дисциплин, связанных с изучением и освоением Дальнего Востока, где заметное место занимали географы и геологи, биологи и химики, востоковеды и этнографы, историки и археологи, а также представители отраслевой науки — горного дела, судостроения, рыбного, лесного и сельского хозяйства. При этом наука края носила преимущественно прикладной характер, где основная часть ученых «не выходила на уровень фундаментальных исследований, даже обращаясь к теоретическим обобщениям» (2019, с. 302).

В то время, и особенно с конца 1920-х гг., когда в центральных областях страны усиление плановых тенденций в научной политике государства наталкивалось на активное сопротивление ученых, дальневосточные кадры, годами предоставленные сами себе, приняли централизацию и патронаж властей весьма положительно. Но при этом получили большую степень бюрократизации науки, чем в центре, так как командные позиции заняли по преимуществу люди, нацеленные на карьеру, а не на получение новых знаний.

Интересным, хотя и спорным, представляется вывод автора о том, что дальневосточным ученым всех поколений (с начала 1920-х и до середины 1950-х гг.) была «свойственна ослабленная рефлексия на философском

и общенаучном уровне». Однако ее отсутствие не мешало им быть мотивированными и целенаправленно заниматься «поиском и добычей конкретного научного знания» (2017, с. 393). Насколько правомерен такой вывод, опираясь только на архивные материалы того времени и воспоминания ветеранов, утверждать сложно, но, безусловно, авторская позиция дает импульс к изучению рефлексий ученых не только этого региона, но и всей периферийной науки.

Монографии автора позволяют определить некоторые направления дальнейших исследований, которые могут быть актуальны для историков науки.

Во-первых, самой очевидной задачей является расширение хронологических границ исследований как вглубь истории, так и по направлению к современности. С одной стороны, следует обратиться к деятельности первых ученых, принимавших участие в изучении Дальнего Востока в составе различных экспедиций начиная со второй половины XIX столетия. Хотя научные исследования (гидрометеорологические и гидрографические)

в рамках военно-морских экспедиций начались еще в XVIII — начале XIX в., их участники еще не были связаны с хозяйственным и культурным укладом жизни региона. Ситуация изменилась в 1850—1860-е гг., когда исследователи стали проводить на Дальнем Востоке довольно длительное время, становясь деятельными преобразователями социально-экономической и культурной жизни этого региона. С другой стороны, необходимо захватить послесталинский период советской науки со второй половины 1950-х гг., когда ослабло идеологическое давление на ученых и они получили возможность ограниченных, но все же контактов с их зарубежными коллегами.

Во-вторых, нужно исследовать комплекс вопросов, связанных с профессиональной мобильностью ученых в ее различных аспектах — международно-региональном, ведомственном, когнитивно-институциональном и тематическом.

И в-третьих, на основе анализа профессиональной мобильности ученых Дальнего Востока попытаться выявить в динамике структуру их коллективной мотивации.